

Ага!

- А ты меня любишь?
- Ага!
- А ты со мной будешь?
- Ага!..

Из популярной песенки

— Вы меня слушаете? — настороженно спросила я, прервав свой рассказ.

— Ага, — отозвался доктор, думая о чем-то своем.

Это была та самая последняя капля в чаше моего терпения. Я вскочила с кресла, подхватила сумку и выбежала из кабинета. Грохнула дверью посильнее — так, что табличка «Психолог центра планирования семьи» чуть не сорвалась на пол.

Он ждал в вестибюле. Как обычно, увидев меня, заулыбался и помахал хвостом. Полетела в разные стороны чешуя, зазвенели, раскатываясь по полу, монеты. Краем глаза я успела заметить, как высунувшаяся из-за угла рука венником подгрестила пару монеток. Шустра уборщица, с голоду точно не помрет!

— Ну, пойдем?

— Ага! — радостно согласился он, подавая мне пальто.

Я поправила на нем шляпу, взяла его под плавничок, и мы поплыли к дому. Точнее, я пошла, а он поплыл, как и полагалось нормальной рыбе. Хоть и с ногами и даже в шляпе. По дороге мы зашли в магазин, купили соус: сегодня Катька готовила его любимые спагетти.

И никто ничему не удивлялся. Ни тому, что рыба, ни тому, что любит спагетти, ни тому, что носит старомодную шляпу и щегольские кожаные сапожки, ни даже тому, что падающие с него чешуйки превращаются в монетки государственного образца; не помню, какой номер пробы называла Катька, но это золото. Либо я живу в такой стране, где ничем никого не удивишь, либо запас удивления у людей иссяк, когда...

Ладно, расскажу с самого начала. Может, хоть кто-то выслушает и удивится.

Меня зовут Оля. Я блондинка и, как любит прибавлять моя младшая сестра Катька, просто красавица. Мне двадцать четыре года, работаю продавцом фруктов в супермаркете. Мартовским вечером я возвращалась домой позже обычного: день рождения нашего директора, всех накормили-напоили, хочешь — не хочешь, а задержаться пришлось. Так вот, шла я себе спокойненько знакомыми подворотнями, изредка икала, улыбалась сама себе (мне тогда казалось, что улыбающаяся девушка никогда не сойдет за поддатую) и думала о том, сколько с моей зарплатой надо копить на операцию по увеличению груди. Пусть у меня свой третий, но надо же стремиться к совершенству! Тем более что большая красивая грудь — это мощный таран, им можно делать карьеру. Вот бы платье с глубоким декольте, да босоножки на шпильке с брюликами, да перед нашим директором пару раз пройтись, покачивая бедрами...

Анна Семироль

ФАНТАСТИКА

Я качнула бедрами крайне неудачно, меня занесло, и я почти упала в лужу. «Почти» — потому что между мной и лужей оказалось что-то живое.

— Простите? — промямлила я, пытаюсь совладать с разъезжающимися ногами. Есть, удалось! Удалось встать на четвереньки. И долго думала, как бы самостоятельно подняться на ноги, но тут мне протянули... плавник.

Я взвизгнула, распрямилась, вытарачилась. В бледном свете фонаря передо мной стояла упитанная зеленая рыбина размером с крупную собаку. На тощих ножках — залепанные весенней грязью сапожки, на голове — изрядно помятая (видимо, мной при падении) фетровая шляпа. Встретившись со мной глазами, рыба смущенно сняла головной убор и завияляла хвостом. Что-то зазвенело, покачившись по асфальту. Я заорала и бросилась от галлюцинации наутек. Пока добежала до дома, убедилась, что все это мне привиделось и пить надо аккуратнее.

— Мне приглючилась зеленая рыба с ногами, — пожаловалась я младшей сестре.

— И по этому случаю ты решила прикинуться сиреневой свиньей и нырнуть для маскировки в лужу? — захихикала Катерина, помогая мне выпутаться из перепачканного пальто.

Я обиделась и ушла спать, дав себе обещание не пить отныне ничего крепче кефира...

С утра все вспомнилось как дурацкий сон. Ну, рыба и рыба. А может быть, собака. Там темновато было, так что немудрено и перепутать на нетрезвую голову. В общем, на том и успокоилась, но, как выяснилось через три дня, абсолютно зря.

Зеленая рыба объявилась аккурат в нашем магазине. Среди белого дня. В моем отделе. С букетиком мимозы, зажатым под плавничком. С улыбкой на всю сиявшую зубастую морду.

— Простите? Вы точно ко мне? — пропищала я еле слышно.

— Ага! — радостно подтвердила рыба и завияляла хвостом.

Как и при первой нашей встрече, на пол посыпалось что-то металлическое. Я взглянула под ноги: к левой туфле подкатилась сверкающая желтенькая монетка. Нервы сдали окончательно, и я прилегла на контейнеры с апельсинами в спасительный обморок. Наивный организм рассчитывал избавиться от галлюцинации, однако галлюцинация никуда не исчезла. У нее на меня явно были какие-то планы. Когда меня привели в чувство порядком испуганные грузчик и охранник (оба Сергеи), рыба вручила-таки мне свой букет, галантно поклонилась и покинула магазин. Я понюхала цветы и разревелась.

— Ну и что мы ревим? — спросил материализовавшийся рядом директор. — И почему лежим на товаре?

— У нее любовь, — пояснили Сергеи. Грузчик, правда, что-то добавил матерно.

— Ольга, я все понимаю, но встань уж с товара и приданое с пола собери, — смягчился директор и дематериализовался.

Наскоро приведя себя в порядок, я подобрала раскатившиеся рыбы монетки. Двадцать три штуки.

— Разрази меня таранка, если это не золото! — обрадованно заявила дома изучившая монеты Катька. — Это ты где сперла?

— Я не сперла, — насупилась я сурово.

— В тебя кто-то кошельком запустит за проданные гнилые бананы?

— Нет, это подарок.

— Фигасе! У тебя завелся поклонник? — Катькины глаза округлились. Можно подумать, что я страшилище и на меня никто не смотрит. О нет — разве что рыбы.

Краснея и сбиваясь, я поведала сестре подробности рыбьего визита. Катька гнусно хихикала и приговаривала: «Ну ты даешь!», а когда повествование дошло до монеток, моя младшая сестрица выдала фразу, за которой обычно следовали всяческого рода неприятности:

— А это уже интересенько! — И далее ее понесло: — Дурья твоя башка! Рыба кишит этими монетами, как помойный кот блохами! Ты представь себе хоть на секунду, какую сумму ты в руках держишь! Несколько твоих зарплат! Можешь смело плюнуть дирику в лицо и жить припеваючи только на эти двадцать три кругляшка! Надо срочно его, эту рыбу, окрутить! Если заполучить ее в дом, мы сможем позволить себе все! Концепт-кар, унитаз со стразами Сваровски, квартиру в Москве, дачу на Канарах, выводок арапчат с опaxалами. И каждый день — в новом ресторане!

— Он рыба, — прервала я Катькин монолог.

— Да хоть кактус! У него деньжищи! — заорала сестра и поспешно добавила: — Маме с папой пока ничего не говорим. Будем действовать по моему плану.

Так кончилась моя спокойная жизнь. Начались кофточки с глубоким декольте, коротенькие юбки и всяческая рыба символика. Даже нарощенные ногти были разрисованы какими-то водорослями. Мой жутковатый поклонник млеет. Сперва смущался, когда я старательно изображала на лице улыбку. Приносил цветы и мой любимый молочный шоколад. И радостно махал зеленым, как елочная лапа, хвостом, разбрасывая вокруг чешуйки-монеты. Катька завела копилку, которую поставила повыше на свой стеллаж и ревностно охраняла. Особенно от меня.

— У тебя с ним вся жизнь впереди! Че тебе — жалко несколько грамм золотишка для младшей сестренки? Стыдись, дылда!

Я стыдилась...

Через две недели рыба впервые проводил меня до дома. Никто не удивлялся, вопреки моим ожиданиям. Все смотрели только на раскатывающиеся по сторонам монеты. Я и сама сперва старалась смотреть по сторонам, уж очень непривычным, как мне казалось, пугающим был облик моего ухажера. Но постепенно привыкла. Не бросается, не кусает (хоть и острые зубы в три ряда), кроме жизнеутверждающего «Ага!», ничего не говорит, цветы приносит опять же, до дома провожает. Добрый он. И глаза умные.

В мае я решила показать Ага родителям. Сомневаясь, что он вообще понимает, о чем речь, я полчаса рассказывала ему о предстоящей встрече. Свое повествование упрощала как могла, до уровня «к папе-маме топ-топ», «Ага хороший, хороший!». Он улыбался и вилял хвостом. Еще один мой совершенно дурацкий поступок — втолковать рыбе мой адрес.

Но каково было мое удивление, когда в назначенный день в дверь позвонили. Открыла Катька. На пороге стоял Ага в

неизменной шляпе, но при дорогом галстуке и с огромным букетом роз.

— Ой, вы к нам?

— Ага...

Катерина мигом превратилась в самую любезность. Даже тапочки подала. Самого маленького размера, но они пришили Ага впору. Мой кавалер прошествовал в комнату, поклонился отцу и вручил маме букет. Родители сперва остолбенели, но Катька быстро разрулила ситуацию:

— Ма, па, это Олькин молодой человек. Классный, правда?

— Ага... — хором сказали потрясенные родители.

Рыб просиял. Улыбнулся, явив роскошные острые белые зубы, скромненько уселся на подставленный мною стул и сложил плавнички на округлом брюшке. Мама с выражением бескрайнего умиления унеслась вместе с сестрой на кухню готовить чай. Катька принялась ей громко втолковывать, какой замечательный у меня ухажер и как все здорово.

— Ну-с, молодой человек, — тем временем начал папа несколько растерянно, — давайте знакомиться. Я Михаил, отец Ольги.

— Папа, он не понимает, — поспешно вставила я, но рыб мягко накрыл мою ладонь плавником и вдруг заговорил:

— Я прекрасно вас понимаю, хотя по причине недолгого здесь пребывания владею речью не в совершенстве. Рад общению с приятным умным собеседником, Михаил. Вы можете звать меня просто Ага.

(О боже, и с этим существом я общалась на уровне «Ага хороший, милая рыбка, ути-пути, какие замечательные цветы ты мне подарил!»)

— Пользуясь любезным приглашением Ольги, — продолжал Ага, — я хотел бы объяснить причину, по которой я здесь. Мы народец скрытный, живем своей жизнью и стараемся не показываться вам, людям, на глаза, но в силу сложившихся обстоятельств я хочу попросить руки вашей дочери.

— К-каких еще обстоятельств? — Папа нахмурился.

— Я не... — испуганно пискнула я.

— Ага, — умиротворяющим тоном продолжил рыб. — Ольгу винить не в чем. Дело в наших традициях. А по нашей традиции, если на меня упала девушка, я обязан на ней жениться.

— А-а-а-о-о-о! — обрадованно взывала подслушивающая в коридоре Катька.

Ага улыбнулся:

— Я смогу без труда обеспечить Ольгу всем необходимым. В средствах не стеснен.

— Но мы же... Мы же... — взмолилась я, ужаснувшись откровеннейшей перспективе.

— Ага, — кивнул Ага. — Но если вы откажете мне в моей скромной просьбе, я пойму.

— Мне надо подумать, — сказал папа, тем самым подводя итог встречи.

Мы попили чаю, и мой странный ухажер собрался уходить. Я снова стыдилась, но спросила на прощанье:

— Завтра встретишь меня после работы?

— Ага...

Ночью, ворочаясь под одеялом, я мучилась разными вопросами. Главный из них: как это вообще возможно — жить с разумной рыбой?

— Скажи мне, как ты себе это представляешь? — спросила я у Ага во время очередного свидания.

— Ну, честно, никак. Но или будет соблюдена традиция, или... — Он замолчал.

— Или — что? — насторожилась я.

— Или я опозорю свой род. А это плохо. Хуже не бывает, — с грустью ответил рыб.

— И что будет-то?

— У кого-то на праздничном столе будет зеленый королевский карп. Скорее всего, в панировочных сухарях, — упавшим голосом сказал Ага.

В общем, в конце лета мы поженились. Странно, но родители легко дали согласие на брак, а в загсе никто не удивился. Наверное, не так уж мы эпатажно смотрелись на фоне брачующихся геев и лесбиянок. Ага надел кольцо на правый палец и пополнил собой нашу семью.

По вечерам они с папой обсуждали новости политики, готовили с мамой ужин или рассматривали с Катькой ее любимые гламурные журналы. Катерина к концу осени подвязку набила монетками три копилки: она просекла, что Ага щедрый, когда у него хорошее настроение, и задабривала его макаронами (больше всего на свете мой муж обожал спагетти). Наше общение сводилось к редким прогулкам, а также обсуждению моего гардероба и рабочих дел. Ночи Ага предпочитал проводить в ванной, где он тихо спал до утра в теплой воде, поджав ножки. С утра он провожал меня на работу и исчезал по своим делам.

— Почему тебе никто не удивляется? — спросила я его как-то.

— Не знаю. Наверное, я заколдованный, — улыбнулся он. — Меня поцеловать надо...

Этого я не могла. Во-первых, Катька запретила («Если он превратится в обычного мужика, денег больше не будет!»), во-вторых, ну не тянуло меня целовать рыбу! А в-третьих, бог весть, во что он может превратиться на практике.

Вот так мы и жили потихонечку, пока в один прекрасный день не припекло с двух сторон сразу.

Моя свекровь возжелала с нас икринок. Я прикинула перспективу наметать ведро икры и пришла в ужас. Ага смутился и попросил меня проконсультироваться в центре планирования семьи. Тамшний специалист с каменным лицом послал меня к психологу. Я изложила ему всю нашу ситуацию — и вы уже в курсе, чем все закончилось.

А потом мы поругались. Точнее, Ага резко захандрил, и мы поссорились из-за какого-то пустяка.

— Я хочу нормальную семью с нормальным мужем! — выдала я в финале.

— Делай, что хочешь, — прозвучало под занавес, и мы разошлись спать.

Утром на работе я активно принялась строить глазки директору. Эффект получился ошеломляющим. Дирик вызвал меня в кабинет, долго шуршал бумажками: настолько долго и напряженно, что я испугалась, запахнула потуже кофту и натянула форменный фартук на колени.

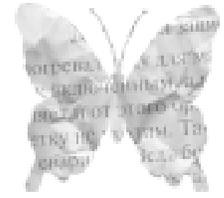
— Э-э-э-э... Оля... Я вот тут смотрел и думал, — заурчал директор тоном мартовского кота. — Такая замечательная, красивая девушка! Почему же раньше я этого не видел? М-м-м, Оля, ты мне нравишься. Я хочу пригласить тебя поужинать.

Ого! Меня! Поужинать! Сан Ремыч (на самом деле Александр Романович) собственной персоной! Получилось! Я почувствовала, что рай где-то близко. Мужчина моих грез, ах! Фартук пополз по коленкам вверх.

— Конечно! Но... я ж замужем, — сказала я тупо.

Директор оставил в покое бумажки и перешел в решительное наступление. То есть подошел ко мне, наступил на ногу. Извинился. Покраснел. Положил на стол очки и стал в три раза обворожительнее. Взял меня за руку.

— Оля. Он — рыба. А ты... Ты — красавица! — выдохнул он. Я капитулировала, не тратя лишнего времени на раздумья.

ФАНТАСТИКА

Но как только мы сели в такси, настроение стало ухудшаться. Неуютно и стыдно.

Всю дорогу до ресторана Сан Ремыч рассказывал о том, какая я хорошая. И продажи у меня выше всяких похвал, и покупатели меня любят, и улыбка моя освещает весь магазин — впору экономить на электричестве, а мое присутствие на работе директора просто окрыляет. За бокалом вина выяснилась, что все известные фотомодели ничто в сравнении со мной, что я умна, роскошна, ну и так далее. И все это — не отрывая взгляда от моего третьего размера. Потом подошедший официант сообщил, что прибыло заказанное такси.

У выхода из ресторана мялся Ага. Увидев его, Сан Ремыч вскинул подбородок и взял меня за руку. Настойчиво потянул к машине.

— Подождите, — попросила я.

Подошла к моему странному мужу, присела рядом на корточки. Он снял шляпу и протянул мне сияющую янтарным светом маленькую морскую раковину.

— Вот, привез. А кошки тут наглые, и ресторан рыбный, — сказал Ага тихонько.

— Оля! — требовательно окликнул меня директор.

Я посмотрела на мужчину моих грез, потом на раковинку в своей ладони. Перевела взгляд на покрытые осенней грязью сапожки Ага. Уголки рта — вниз, хвост похож на флажок в безветрие. Встала, расправила плечи.

— Я не поеду. За мной пришел мой муж, — сказала громко и четко.

— Как? Эх, что с блондинки взять! Значит, переведу тебя в отдел свежей рыбы. — Дирик открыл дверь такси, прыгнул внутрь и крикнул из машины: — Дура! Я тебе предлагал будущее.

Машина рванула с места. Я с наслаждением плюнула ей вслед.

— Я в жопу раненная рысь! — процитировала любимую сестрицу.

Звякнула монетка. Ага улыбался.

— Давай купим спагетти и морской капусты, — предложила я и взяла его за палец.

— Ага!.. И вот что. Я тут подумал насчет икринок. Может, нам усыновить небольшой аквариум?..

Сегодня после ужина я его обязательно поцелую. Как бы потом ни орала на меня Катька.

